

Якушников Сергей Николаевич

ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА: НОВЫЕ ФОРМЫ ГЕТЕРОТОПИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Статья посвящена формированию современного городского ландшафта, возникающего на стыке традиции и инновации. Процессы глобализации, миграции иноэтнического населения постоянно изменяют культурный ландшафт современного города. В отдельных случаях новое пространство несет субъекту угрозу, заставляя его покидать привычное для него пространство, но в других случаях он сам стремится к постижению и потреблению Чужого пространства, присваивая его и инкорпорируя в свою культуру. Все это хорошо заметно на примере современной алиментарной традиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 214-217. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

наличие такого коммуникативного пространства и возможно формирование некоего общего согласия по поводу исторического события, появляется возможность достижения исторического взаимопонимания. Это и будет своего рода вторичный нарратив, когда при включении меня в ситуацию прошлого посредством столкновения с историческими рассказами формируется мой собственный рассказ истории.

Список источников

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна дэ Куртенэ, 2000. 308 с.
2. Дивисенко К. С. (Авто)биографический нарратив как коммуникационное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 36-52.
3. Пузько В. И. Множественность способов понимания текста. Владивосток: Дальнаука, 2008. 348 с.
4. Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники: сб. статей / гл. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6-13.
5. Сыров В. Н. Коммуникация и историческое познание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 84-91.
6. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники: сб. статей / гл. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 14-31.
7. Тюпа В. И. Коммуникативное событие урока [Электронный ресурс]. URL: <http://cdo.rggu.ru/article.html?id=1243> (дата обращения: 23.10.2017).
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
9. Эльдарин А. А. «Нарративный поворот» в современной философии истории: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 209-212.
10. Эльдарин А. А. Рассказывая историю: коммуникативное согласие и нарратив // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 3А. С. 170-177.

HISTORICAL NARRATIVE AS A COMMUNICATIVE EVENT

El'darion Artur Arturovich

*Maritime State University named after admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok
arthorius_mag@mail.ru*

This article is devoted to the philosophical interpretation of the mechanisms of modern historical consciousness formation. Particular attention is paid to narratives that can create a specific communicative space around them that promotes historical understanding. The article substantiates the right to existence of a special kind of narrative of the included type within the framework of historical reconstructions. The characteristic features of the historical narrative as a communicative event are singled out and described.

Key words and phrases: historical narrative; history; communication; event; agreement; discourse; text.

УДК 394.014

Исторические науки и археология

Статья посвящена формированию современного городского ландшафта, возникающего на стыке традиции и инновации. Процессы глобализации, миграции иноэтнического населения постоянно изменяют культурный ландшафт современного города. В отдельных случаях новое пространство несет субъекту угрозу, заставляя его покинуть привычное для него пространство, но в других случаях он сам стремится к постижению и потреблению Чужого пространства, присваивая его и инкорпорируя в свою культуру. Все это хорошо заметно на примере современной алиментарной традиции.

Ключевые слова и фразы: Чужой; пространство; городская среда; гетеротопия; алиментарная культура; межкультурная коммуникация.

Якушенков Сергей Николаевич, д.и.н., профессор
*Астраханский государственный университет
shuilong@mail.ru*

ЧУЖИЕ ПРОСТРАНСТВА: НОВЫЕ ФОРМЫ ГЕТЕРОТОПИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ 15-03-00402 "а"
«Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации».*

Городское пространство, как правило, воспринимается нами с помощью определенных объектов, замечаемых нами в процессе перемещения по городу. Нередко основным критерием нашего внимания к городскому

объекту выступает его новизна. Современный российский город как бы существует в двух плоскостях: унификации и ординарности. Мы все помним любимый многими россиянами фильм Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром», в котором главный герой хирург Е. Лукашин вместо того, чтобы встречать Новый год со своей невестой в Москве в новой квартире, полученной по адресу 3-я улица Строителей, дом 25, квартира 12, оказывается в Ленинграде точно по такому же адресу, но в доме другой женщины. Схожа даже мебель в их квартирах, да и открывает он чужую квартиру своим ключом. И хотя вся «ирония» сводилась к единообразию жизни советского человека, живущего в типовых домах, фильм понравился зрителям, так как внушал определенную надежду на положительный исход из создавшейся ситуации.

Сегодня российский человек постоянно оказывается в пространстве разнообразия. Застройщики предлагают ему на выбор множество самых разнообразных архитектурных проектов, центральные телевизионные каналы соревнуются друг с другом в передачах, демонстрирующих мастерство своих дизайнеров в декорировании комнат россиян. Везде звучит посыл: и вы можете создать нечто новое и уникальное. Уже давно из русского языка исчезло такое понятие, порожденное социалистической эпохой, как долгострой. Молодым сложно представить, что какое-то жилое здание, завод или иной объект могли строиться на протяжении десятилетий и морально, да и физически устаревали к концу стройки.

В современном городе все иначе. Мы постоянно находимся в новых пространствах. Они множатся, поражая нас своей необычностью и разнообразием. В городах же с типовой архитектурой пространство практически не существует. Оно как бы и есть, но оно условно, так как слабо различается. Хотя в то же время именно человек наполняет его своей исключительностью, неповторимостью судьбы и чувств. Именно поэтому так и полюбился этот фильм советским людям, так как он дарил надежду на чудо в предновогоднюю ночь, обещая удачный выход из замкнутого пространства.

Современный человек живет в новом пространстве. Французский философ М. Фуко однажды заметил, что «сегодняшнюю эпоху можно назвать эпохой пространства» [3, с. 191]. Философы, антропологи, историки начали по-новому смотреть на пространство, открывать его заново. Одним из первых, кто осознал важность и в то же время сложность научного изучения пространства, был французский социолог А. Лефевр: «Концепция пространства как социального продукта сталкивалась с известными трудностями, иначе говоря, с отчасти новой и неожиданной проблематикой» [2, с. 9].

Этот неожиданный интерес к пространству был порожден целым рядом причин: развитие техники и новые методологические подходы в гуманитарных науках, появление новой ментальности и нового человека. Новая техника открывала все более дальние горизонты пространства, ученые-гуманитарии показывали роль пространства как индикатора развития общества, а новый человек стремился к покорению пространства на самых разных уровнях. Весьма примечательно, что этот интерес к пространству в конечном итоге приводит к появлению новой личности – «человека кочующего», жизнь которого завязана на «освоение» пространства – путешествие, жизнь в дороге.

Пространство неоднородно. В нем нет эгалитарности. Фуко говорит, что в Средние века была сложная иерархия пространств [3, с. 192], делавшая пространство города неоднородным, дискретным. А в XVIII в. европейская архитектура превращается в политику: «С XVIII в. всякий трактат, рассматривающий политику как искусство управления, с необходимостью включает одну или несколько глав о градостроительстве, коммунальном хозяйстве, гигиене и архитектуре частных домов» [4, с. 216]. Это означает, что городское пространство все более осмысливается и становится инструментом управления обществом.

Но эта попытка управлять обществом с помощью особого градостроительного плана – очень сложный и не всегда успешный проект, о чем многократно повторяет Лефевр. С его точки зрения, современное городское пространство¹ – скучный монотонный продукт: «Как ни печально, повторяемость берет верх над единичностью, искусственное и поддельное – над стихийным и естественным, а значит, продукт – над производением. Эти повторяющиеся пространства появляются в результате повторяющихся жестов (жестов рабочих) и повторяющихся и предназначенных для повторения механизмов» [2, с. 86-87]. Следует признать, что от урбанистических трендов сложно ожидать другого. Ведь любое градостроительное пространство планируется не на год или два. И любой строящийся дом должен быть построен на весьма длительный срок, с наименьшими издержками. И вместе с тем построенное здание может морально устареть к моменту окончания стройки. Оно уже может не вписываться в новое городское пространство. Именно на основании этого мэрия Москвы наметила грандиозный проект реновации. Хорошее начинание, однако где гарантия, что снесенные типовые здания не будут заменены другими типовыми зданиями, которые могут также в скором времени устареть?

Но не всегда городское пространство остается однообразным и узнаваемым. Нередко в типичное и привычное пространство города врываются Чужие пространства, число которых множится с каждым годом.

Чужие пространства легко узнаваемы, они, как правило, и маркируются особыми способами. Нередко в прошлом эти Чужие пространства напрямую были связаны с Чужим: иностранным гостем (торговцем), послом, приглашенным специалистом и т.д. Так в Москве возникла Татарская (XIV в.) и Немецкая слободы (XVI-XVII вв.), в Петербурге в XVII-XVIII вв. Немецкая, Греческая, Татарская и Французская слободы. Несложно заметить, что подобные пространства возникают в контексте различных исторических и политических процессов. Они легко могут натурализоваться, т.е. становиться своими, но могут существовать изолированно, сохраняя свою чуждость.

¹ Эта оценка городского пространства относилась к концу 60-х – началу 70-х гг. XX в.

Нередко одна инаковость сменяется новой инаковостью, что хорошо видно на примере такого известного района Нью-Йорка, как Гарлем.

Гарлем, основанный гугенотами из Голландии и Северной Франции в 1658 г. и названный так в честь голландского Гарлема, длительное время сохранял свое смешанное население: голландцы, французы, к которым добавились лютеране из Дании, Швеции и Норвегии [5, р. 6].

Во время Войны за независимость Гарлем был сожжен дотла [7, р. 61]. Но спустя какое-то время на этом месте был построен новый город с тем же названием. Население этого города было смешанным, но преимущественно англосаксонским. Жизнь в Гарлеме разительно отличалась от жизни ньюйоркцев в лучшую сторону. Это был зеленый чистый городок, в то время как Нью-Йорк утопал в грязи, коррупции и преступности [Ibidem, р. 77]. В конечном итоге зажиточные ньюйоркцы потянулись на место жительства в Гарлем. Начался новый культурный бум в городе. Гарлем к середине XIX в. имел все возможности превратиться в крупный культурный и коммерческий центр. Но новая волна переселенцев, которым не хватало места в Нью-Йорке, перебиралась в Гарлем. И со второй половины XIX в. основными этническими группами в городе стали евреи и итальянцы. Гарлем снова стал Чужим для англосаксонского населения. После гражданской войны афроамериканцы постепенно начинают переезжать из Южных штатов на Северо-восток. И уже в первые годы XX в. они активно заселяют Гарлем, превращая его в «Черную столицу» Америки. К 30-му г. XX в. 70% населения Центрального Гарлема были афроамериканцы [9, р. 260]. Постепенно Гарлем превратился в Чужое пространство, где белые американцы нежелательны и где находиться им небезопасно. В конечном итоге к 60-м гг. XX в. это пространство оказалось Чужим даже для чернокожих американцев [8, р. 25-27].

Трансформация Гарлема из «Своего» пространства в «Чужое» весьма показательна и характерна для многих подобных мест. Благоприятная для проживания среда вдруг неожиданно превращается в среду, опасную для проживания. Привычный культурный ландшафт нарушается, а само городское пространство превращается в гетто для населения, которое здесь осталось жить. Следует, однако, признать, что современные городские власти сделали очень многое, чтобы изменить городскую среду в Гарлеме. Это пространство все меньше походит на Чужое.

Чужое пространство может принимать и другие формы, не угрожая населению города снижением уровня безопасности. Но даже если оно и не угрожает безопасности основной массы населения города, Чужое пространство все равно разрушает привычный городской ландшафт, привнося в него новые культурные элементы. Как правило, подобными Чужими пространствами выступают пространства, связанные с чужой алиментарной культурой: кафе, бары, рестораны, пиццерии, кальянные и т.д. Типичными примерами подобных Чужих пространств могут служить рестораны фаст-фуда (Макдональдс, КФС, Старбакс и др.) [1, с. 98-100]. Появление Макдональдса в Москве в 1989 г. нарушило привычный пищевой ландшафт, что породило огромные очереди в это заведение. Москвичи и гости столицы хотели прикоснуться к чему-то новому, побывать в новых для них пространствах общественного питания. И до сих пор мы можем наблюдать огромный интерес россиян к иностранной кухне и системам общественного питания. Суши-бары, ролл-бары, пиццерии, китайские рестораны стали неотъемлемой частью нашей жизни. Сюда ходят перекусить, и здесь справляют различные торжества. Это Чужое пространство не только не страшит нас, но даже становится притягательным. Более того, мы стремимся потратить не только Чужую еду, мы потребляем и Чужое пространство, натурализуя его. Одной из форм подобной натурализации является переименование подобного пространства. Теперь это не просто «суши-бар», а некое заведение под названием «Суши весла» или «Суши ласты», но может превратиться и в «Япошку», «Япона Мать» и т.д. Но мы потребляем не только название пространства, мы с легкостью потребляем и сами кулинарные продукты, превращая их в свои. И характерно это не только для россиян. Подобную ситуацию можно обнаружить и в США, где неожиданно появляются ролл «Калифорния» [6, р. 81-82], такос [10, р. 34-37], да и многие другие блюда. Некоторые из этих блюд, как, например, пицца или такос, становятся во многих странах неотъемлемым элементом национальной ритуальной пищи [12, р. 930-934]. Но в чем причина изобретения новых блюд или новых названий? В случае с роллом «Калифорния» это была реакция на страх американцев к чуждым для них традициям [11, р. 326]. Схожие процессы в американской пищевой традиции происходили раньше и с китайской кухней, подстраиваемой под вкус американца [13, р. 175].

Стремление потратить Чужое пространство заметно на многих уровнях. Мы можем переименовать его, можем присвоить, интегрировав в свою национальную культуру, приспособив к своим нуждам и забыв о его Чужом происхождении. Но можно, как в случае с Гарлемом, отгородиться от него, выстроив непреодолимые барьеры, отделяющие нас от Чужого пространства. Как правило, выбор стратегии взаимодействия с Чужим пространством зависит от уровня развития субъекта и основных культурных паттернов. Исторический опыт многих стран показывает, что невозможно отгородиться непреступной стеной от Чужого. В условиях глобальной экономики необходимо искать новые механизмы адаптации субъекта к новому пространству и интеграции Чужого пространства в национальную культуру.

Список источников

1. **Захарова И. И., Крылова Р. В.** История развития заведений фаст-фуда в России // *Инновационная наука*. 2016. № 3: в 4-х ч. Ч. 1. С. 98-102.
2. **Лефевр А.** Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
3. **Фуко М.** Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3-х ч. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191-204.

4. Фуко М. Пространство, знание и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3-х ч. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 215-236.
5. Caldwell A. B. The History of Harlem. N. Y.: Small Talk Publishing Company, 1882. 76 p.
6. Corson T. The Story of Sushi: An Unlikely Saga of Raw Fish and Rice. N. Y.: Harper Collins, 2009. 416 p.
7. Gill J. Harlem: The Four Hundred Year History from Dutch Village to Capital of Black America. N. Y.: Grove Press, 2011. 448 p.
8. Harlem: No Place Like Home // TIME. 1964. Vol. 84. № 5. P. 25-27.
9. Huddle M. A. Harlem, the “New Negro”, and the South: History and the Politics of Place // Safundi: The Journal of South African and American Studies. 2008. Vol. 9. № 3. P. 257-270.
10. Pilcher J. M. Was the Taco Invented in Southern California? // Gastronomica. 2008. Vol. 8. № 1. P. 26-38.
11. Smith A. F. The Oxford Companion to American Food and Drink. N. Y.: Oxford University Press, 2007. 693 p.
12. Soler C., Plazas M. C. Integration of Ethnic Food into Swedish Food Rituals. The Cultural Fitness of Tacos // Appetite. 2012. № 58 (3). P. 928-935.
13. Wallach J. J. How America Eats: A Social History of U.S. Food and Culture. Lanham: Rowman & Littlefield, 2012. 258 p.

ALIEN SPACES: NEW FORMS OF HETEROTOPIAS OF MODERN CITY

Yakushenkov Sergei Nikolaevich, Doctor in History, Professor
Astrakhan State University
shuilong@mail.ru

The article is devoted to the formation of a modern urban landscape emerging at the junction of tradition and innovation. The processes of globalization, migration of the foreign ethnic population constantly change the cultural landscape of the modern city. In some cases, the new space poses a threat to the subject, forcing him to leave the habitual space, but in other cases he himself seeks to comprehend and consume the Alien space, appropriating it and incorporating it into his culture. All this is clearly seen by the example of the modern alimentary tradition.

Key words and phrases: Alien; space; urban environment; heterotopia; alimentary culture; intercultural communication.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена анализу роли борделя в межкультурной коммуникации с Чужим во фронтальном пространстве. Сексуальность – это один из базовых маркеров идентификации и конструирования образа Чужого. Через насилие и сексуальное доминирование происходит доминирование культурное, в том числе и колониальное. Фронтальные бордели же становятся буфером при столкновении культур и межкультурном взаимодействии, а контроль над проституцией является частью единого колониального контроля над Чужим и его культурой.

Ключевые слова и фразы: Чужой; Другой; фронт; сексуальность; бордели; салуны; межкультурная коммуникация; США; Куньмин.

Якушенкова Олеся Сергеевна, к. филос. н.
Астраханский государственный университет
jestersshadow@mail.ru

ФРОНТИРНЫЙ БОРДЕЛЬ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВСТРЕЧИ С ЧУЖИМ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ 15-03-00402 «а» Чужой / Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации.

Покорение и завоевание чужих земель нередко сопровождается насилием над местным населением. Не последнюю роль в этом процессе играет сексуальное насилие над женщинами. Мотив завоевания новых территорий нередко передается через сексуальные метафоры, а укрощение дикой земли воспринимается как покорение Чужой женщины. В таких условиях насилие по отношению к Чужой женщине становится доминирующей нормой.

Сексуальность – один из важнейших маркеров идентификации своих и Чужих [3, с. 193]. Через сексуальное взаимодействие происходит утверждение власти одного актора над другим, а сам момент межкультурного взаимодействия наиболее очевиден. По мнению исследователей А. Смит и Л. Росс, в традиционном патриархальном сознании преобладает стереотип, что только «чистый» человек может быть подвергнут насилию, а поскольку Чужая женщина не может претендовать на право считаться чистой, то и насилие над ней не считается в полной мере таковым [14, р. 1-2]. Подобный подход размывает границы понятия «насилие», нивелируя